

Марина Танаева

**ЗАВОДЬ
МОЕЙ ТИХОЙ
НОСТАЛЬГИИ**

***Санкт-Петербург
2019***

Танаева Марина Николаевна.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ.

Стихи, поэмы, рассказы, зарисовки.

Составитель и редактор Л. Витебский.

Санкт-Петербург. – ООО «Стандарт». – 2019. – 60 с.

В новом сборнике Марины Танаевой представлены стихотворения, написанные в период с 2017 по 2019 годы. В книгу вошли также рассказы и зарисовки из сборника воспоминаний о детстве «Букет из полевых цветов», новые и уже известные читателям рассказы. Завершает сборник поэма «За спиной», которая публикуется впервые.

Заказ № К1901. Подписано в печать 20.09.2019.

Изготовлено и отпечатано в ООО «Стандарт».

198097, Санкт-Петербург, ул. Трефолева,

д. 2 БН, помещение 13Н.

РАСКАЗЫ И ЗАРИСОВКИ ИЗ СБОРНИКА «БУКЕТ ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ». 2018-2019.

БУКЕТ ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ

Над селом Светлый Дол полыхает рассвет. Мы с моим прадедушкой Папием только что проводили корову в стадо, а теперь сидим на лавочке и ёжимся от утреннего холодка. Мне восемь лет, я уже научилась сама заплетать две косички и вплетать в них любимые синие бантики. На мне большая и тёплая бабушкина кофта. Дедушка Папий в неизменном «пинжаке», старых серых брюках, на ногах его галоши, на голове – светлая летняя шляпа, а в правой руке – тросточка. Он любил со мной разговаривать, рассказывать о двух войнах, о тяжелом труде в колхозах и совхозах, о том, как работал ямщиком, развозил по отделениям молоко и сливки. Меня он с пяти лет называл «Марина Николаевна», потому что я уже научилась бегло читать и писать печатными буквами, а сам прадедушка, да и супруга его, прабабушка Татьяна, были неграмотными. Вместо подписей в документах они ставили закорючку и крестик.

Обычно в этот ранний час я спала, но в тот день к нам из города собиралась приехать мама, и я придумала собрать для неё букет из полевых цветов. Дед Папий шевелит густыми бровями, слушая дружное пение петухов да приговаривая: «Вот оне, петушки-те, шибко хорошо поют!»

– Дедко, – прошу я, – айда к речке, через переходы на ту сторону перейдём. Меня одну туда не отпустят!

– А зачем тебе? – спрашивает он.

– Да цветов хочу нарвать в поле, поставлю в банку с водой, приедет мама к обеду, войдёт в горницу и обрадуется!

– Дак этъ шибко рано ишо, холодок, – улыбается дед Папий, – застудисься.

– Нет, дедко, я кофту бабы Симы одела, тепло мне. Пойдём, а ты мне по дороге про этого, как его... Про Колчана расскажешь! Ну, как ты у него кучером был да сбежал. Он ещё расстрелять-то тебя хотел, ух, злодей какой!

– Про Колчака сказывать? Это можно! – оживает мой прадед.

– И про войну, и про Путиловский завод, и про то, как тебя чуть навсегда жить в Ленинграде не оставили, – затараторила я.

И вот бредём мы уже потихоньку вдоль улицы, приближаясь к реке, переходим по деревянному подвесному мостику через речку и оказываемся в поле. Я срываю васильки, ромашки, тысячелистник, зверобой, пижму и собираю большой красивый букет. А дедушка Папий всё рассказывает мне про события Первой и Второй мировых войн, лишения, голод, смерть...

– Дедко, а вот догони да расстреляй тебя Колчак, и нас бы всех не было? – вдруг спрашиваю я, переходя от нахлынувшего ужаса на шёпот.

Дедушка Папий не любил, когда я пугалась, и сразу успокаивал:

– Да куды ему меня догнать? Я же в родны леса скрылся, а он не знат тут ничево.

– А, ну вот и хорошо, – радовалась я и прыгала, и кричала от счастья, – не догонит, не догонит! Пойдём, дедко, завтракать! Надо ещё и цветы быстрее в банку с водой поставить, а то завянут!

– Пойдём, Марина Николаевна! А в старину «Микулаевна» бы ты была! Сима сказывала, ты отлищниса в школе-то? Вот и ущись! Всю жисть ущись, коли Бог ума-то дал! Да помни мой стариковский наказ!

Вот и сейчас, проходя очередные учительские курсы, открывая для себя новые книги, страны и события, я каждый раз шепчу: «Учусь, дедко Папий! Учусь всю жизнь, как ты наказывал, ты слышишь?» И опять возвращаюсь в тот день, когда мама приехала и обрадовалась, увидев на столе наш с дедом Папием подарок – букет из полевых цветов!

ЗАЯЦ ОБОДРАННЫЙ

Старики Романовы, Папий Алексеевич и Татьяна Николаевна, очень любили париться в бане. Помню, в предбаннике на перекладине под потолком всегда висели берёзовые веники, их было штук сорок.

Как-то раз в субботу мои родители приехали в деревню навес-

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

тить всех родных, а заодно, чтобы те со мной, внучкой и правнучкой Маришей, повидались. Вошли в дом – стариков нет, а баба Сима накрывает на стол ужин: картошечка нажарена, сметанкой заправлена, стоит посреди стола прямо в сковородке, помидоры-огурцы с постным маслом да луком, какой ещё летом в августе другой салат? Только этот. Разве что вместо постного масла сметаной заправить. Яйца варёные на тарелочке лежат, ну и огурчики малосольные на блюде порезаны, в сторонке стоят, потому как это уже на любителя.

Из горницы выходит хозяин, Александр Папьевич, дед Саша, и говорит громким голосом:

– Да матушки вы мои, да кто же это к нам приехал! Давайте, проходите, гости дорогие!

– А бабка с дедкой где? – спрашивает мама Люба.

– Да в бане парятся, – отвечает баба Сима. – Стариков ведь хлебом не корми, дай попариться. Давеча дед ходил уж, проверял их, шибко жарко, хоть бы до смерти не запарились!

Тут в сенях послышались шаги, тяжёлая входная дверь отворилась, и показались красные как варёные раки дед Папий и бабушка Таня. Они были в одних майках, трусах и с длинными полотенцами. На бабушке Тане был ещё расстёгнутый халат. Она тут же присела на лавку у рукомоЙника, откинулась назад на какую-то лопотину, висевшую на вешалке, и заговорила хриплым голосом:

– Ооохх, кака беда! Запарилась этъ я, света белово не вижу! Старик-от набздавал шибко...

– Старик-от, старик, – заворчал в ответ дед Папий, – а сама хоть докуль дак веником хлѣшшешься!

В это время баба Таня почувствовала и показала пальцем на деда:

– Глико, ты, старик, полоумной! Пошто мою майку напентерил?

И точно: трусов из под майки на дедушке было не видать, женская сорочка распустилась до колен. Все рассмеялись, а дед Папий парировал:

– Сымай, старуха, мою майку, айда в горнису разболакаться.

Через несколько минут все сидели за столом и ужинали. От деда Папия и бабы Тани пахло чистым бельѐм, которое всегда сушилось в ограде на свежем воздухе. Бабушка Таня придиричиво оглядела дедушку Папия и сказала:

– Старик, иди, одень хоть рубаху. Сидишь перед гостями, как заяц ободранной.

И снова взрыв смеха. Она сказала эту фразу на века, и всё, что нам теперь осталось, это вспоминать их исконно-русский, яркий и колоритный язык.

КОСМЕТИКА

Я с детства любила играть маминной и бабушкиной косметикой. Помню, как-то раз, было мне лет восемь, сижу на коленках у трюмо, достала из тумбочки под зеркалом все пудреницы, румяна, духи, тушь, помаду, сижу и играю. Вокруг меня трётся и ласкается большая пушистая трёхшёрстная кошка Машка, ловливая, романовская. Я её глажу, она брезгливо обнюхивает помаду...

Прабабушка Таня встаёт с дивана и направляется ко мне, перехватываясь по дороге за спинки стульев.

– Ково делаеш, Мариша? – слышу её грубый хриплый голос.

– Играю, баба! В пуговицы надоело, Машку за бантиком надоело гонять, в помады-румяна играю!

– Вот эть раньше-то я молода была, никаким ведь румянам не пользовалась! – говорит баба Таня с гордостью.

Дед Папий стоит в углу, прислонившись спиной к железной печке, греется. Слышит наш разговор, и, как всегда, не может промолчать:

– Дак у тя, старуха, нос-от да щцоки с молоду красны были как свёкла, к щему уж тут румяна?

Сейчас, когда перебираю свою косметику, натыкаюсь на румяна, и меня разбирает смех...

ПРО РАБОЧЕГО БЫКА

Прабабушка Таня ловко управляет в куте с печкой: ухватом поддевает чугушки и ставит их в глубину, ближе к жару, чтобы приготовить обед. Дед Папий сидит за столом у окна и критически наблюдает за её действиями, шевеля седыми густыми бровями. Китка, здоровый, пушистый, дымчатого цвета кот, сам весом в семь килограммов, крутится у бабушкиных ног, трётся, попрощайничает. Баба Таня в сердцах ударяет Китку легонько ухватом по спине, а тот ни с места. Она, возмущённая, говорит:

– Глико, старик, будь он проклятой, кот-от, ведь полна черепушка молока, а всё мяфкат! Дак эть бью ево, никак не уходит!

Дед Папий ехидно отвечает:

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

– Дакты рабочему быку на хвост-от наступи да бей, и тот не уйдёт!
Бабушка Таня, пытаюсь загладить вину, выдала пострадавшему Китке дополнительный паёк.

ТУРНИК

Приход осени дед Папий чувствовал на себе: то «потягОтище», то «ломОтище» нападало. Вот и теперь сидит дед на лавочке да охает: «Крыльса болят!» Зять Коля, проходя мимо, сочувствует:

– Что, дед, хворь напала?

Дедушка Папий, всегда словоохотливый, оживился такому участию:

– Да вот, Коля, это я в Николавску войну ишо с турника пал, убился. Так с тово времени и болит спина с пояснисэй. Будь он проклят, турник-от!

Коля улыбнулся: ни каторжный труд крестьянский, ни работа на Путиловском заводе во Вторую мировую, ни послевоенное ямщичество не отразились так ярко в памяти Папия Алексеевича, а осталась только молодость да падение с турника в Николаевскую войну...

ДЕД И ВЕЛОСИПЕД

Дедушка Папий всю послевоенную жизнь ямщичал, потому и признавал только лошадей как средство передвижения. Поездки на мотоцикле с сыном, Александром, были самым настоящим испытанием для водителя: если мотоцикл наклонялся налево, дед всеми силами упирался направо. И, наоборот. Мотоцикл направо, дед налево. Александр как-то раз даже не выдержал и высказал отцу:

– Ты вот, тятенька, не умеешь ладом-то ездить! Мать едет сзади с двумя корзинам грибов, я её не щувую, а тебя на покос без груза везёшь – мотосыкл болтается, никакого равновесия!

И решил дед Папий, пока домашние все на работе да на учёбе, потихоньку в ограде велосипед осваивать, для равновесия. Оттащил подальше кучку наколотых дров, взял внучкин велосипед и пробормотал:

– Оседлаю я тебя, железа скотина, не таких коней седлал!

Прошёл час, другой... Результат был один и тот же: дедушка левую ногу ставил на педаль, правую, оттолкнувшись, перекидывал через раму, и падал, заваливаясь на левый бок. Устал дедушка, пошёл

домой квасу хлебнуть...Сидел на кухне, у открытого окна, думал, как с железным конём управиться. Тут решил старик, что надо «тубаретки» использовать. Взял две самодельные «тубаретки», вынес во двор и поставил между ними велосипед. Аккуратно взгромоздившись на них, велосипедист торжествовал: он был уж в седле, осталось только посильнее оттолкнуться и крутить педали. Дед Папий так и сделал: что есть сил, оттолкнулся от «тубареток», закрутил педалями, пытался удержать руль... Он ехал! И всё бы хорошо, да ограда внезапно закончилась, и дедушка влетел с размаху в поленицу передним колесом...

Вечером пришлось объяснять Любаше, внучке, откуда взялась «восьмёрка» на колесе. Больше дед Папий к велосипеду, к этой «железной скотине», не приближался...

НЕ НАДО

Баба Таня была из большой крестьянской семьи. Зная семейные традиции, решила она как-то раз передать своему маленькому сыну свой завет:

– Вот, Сашенька, в старину родители детям говорили: кто за нам дохаживать будет, тому и корова отойдёт.

А Саша, мальчик резкий, бойкий и капризный, тут же ответил, ни на минуту не задумываясь:

– А мне и корову не надо, и вас не надо.

Вот и поучила его мать уму-разуму.

... на самом деле родители доживали в доме сына Александра, прабабушка Таня умерла в девяносто три года, прадедушка Папий – в девяносто семь... А корову дед Саша и сам себе купил, благо работающий был, и семья его жила в достатке, ни в чём не нуждалась.

СТАРИКИ И БРОЙЛЕРЫ

Я, городская правнучка дедушки Папия, большой любитель звешек. В городе мне их не хватало, но как только я приезжала на каникулы в деревню, то просто растворялась в мире животных.

Кошки всегда спали в моей постели, согревая и рассказывая сказки. Коровы и телята лизали мои ладошки шершавыми языками. Хрюшек всегда было трое, и их неизменно звали Борьками. Их я летом кормила крапивой и удивлялась, как это они не боятся, что она

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

ужалит их языки?

Но особенной любовью были цыплята, да не простые, а бройлеры. Я всегда выбирала себе цыплёнка – петушка, покрупнее и понаглее других, и превращала его практически в ручного. Вот и в то лето, когда мама приехала на выходные в деревню, чтобы нас навестить, она в ужасе вскрикнула, когда вошла в дом. Её взору предстала трапеза: бабушка Сима, дед Саша, прадедушка Папий и я хлебали щи из тарелок, а мой цыплёнок Петя ходил по столу и склёвывал хлебные крошки, которые я ему отрывала от каравая. Мама закричала прямо с порога: «Я так и знала, что вы избалуете Маришу, у вас уже курицы по столу ходят! Зачем вы ей это всё позволяете?» Перевоспитание продолжалось все выходные, затем мама вернулась в город, а Петя снова был со мной неразлучным даже на обеде.

Бройлеры подросли за два месяца, я приучила их рассаживаться рядом со мной на скамейке и склёвывать семечки с ладоней. В тот день к деду Папию пришёл в гости его приятель, дедушка Серёжа Рыжков, которого на деревне прозвали Пеганком из-за лица, густо усеянного веснушками. Дед его раньше не особенно любил за враньё да хвастовство, но когда все остальные приятели по лавочке и разговорам умерли, пришлось общаться и с Пеганком, ведь он оставался единственным, кто помнил прежние времена.

Старики с утра уже успели досеменить до медпункта и отовариться таблетками. Дед Саша всегда им в шутку высказывал: «Вот придут добры люди с работы, захворают, а вы все таблетки скупили в больнисэ, и лещиться нещем...»

Уселись дедушки на лавочке перед воротами вспомнить что-нибудь про молодые годы. Цыплята бегали во дворе и за оградой, клевали зернышки, траву, разрывали ямки в поисках жучков и червячков... Тут Пеганко достаёт горсть семечек, чтобы пошелушить их руками. Зубов-то не стало, а раньше дед Серёжа был большой любитель пощелкать семечки на лавочке. Бройлеры, увидев семечки, стали взлетать на скамью и усаживаться рядом с обомлевшими стариками. Но никто не давал цыплятам угощенье, и те потеряли терпение. Петька клюнул Пеганка прямо в ладонь, дед от неожиданности рассыпал все семечки перед скамейкой. Бройлеры тут же налетели их клевать, а старик схватил свою палку-тросточку и стал отпугивать недоумевающих птиц. Но те снова пытались занять на скамье свои «законные» места.

Пока дедушка Папий кричал своё «тудыть» и сгонял птиц со

скамьи, обиженный нападением Петьки дед Серёжа пошаркал по улице к себе домой, натянув козырёк кепки чуть ли не на самые глаза.

Каникулы подходили к концу, и я вернулась в город. Из деревни от бабушки Симы пришло письмо, в нём сообщалось, что пришлось старикам угощать бройлеров семечками до самой осени...

ПРОБУЖДЕНИЕ

Баба Таня спала в своей комнатке, на одноместной железной кровати. Бабушка-то «почуткая», то захрапит да проснётся от собственного храпа, то во сне «кака холера привидится», так посреди ночи соскочит и «нету сну». Дед Папий, ворча, давно уже перебрался на отдельную кровать: «Неково, старуха, нам вместе спать, ты первый спень проспийшь ды ворочашся, мне не даёшь уснуть до утра».

Внуки, Люба и Серёжа, нашли в буфете старые бусинки с фосфором и решили подурачиться и подшутить над бабушкой. Они пробрались в её комнатку в полночь, прокрались на цыпочках к кровати, и склонились вдвоём над спящей бабой Таней, держа в каждой руке по бусинке на уровне глаз, словно глядело неведомое чудище...

Какое-то время бабушка лежала неподвижно, затем всхрапнула и проснулась. Из темноты на неё тарачились две пары глаз. Они светились зелёным светом как кошачьи, но были гораздо меньше по размеру...

Баба Таня попыталась осмыслить, что происходит, но ничего не понимая, выронила только грубым голосом:

– О, ядрёна мать-ту!

– Спи, баушка, спи! – отозвался дед Папий вялым голосом с кровати у стены напротив.

Дети тихонько расхохотались, выронили бусинки и бросились бежать на кухню, чтобы спрятаться на полотах за свертками чистых половиков. Они просидели там полчаса, так и не дождавшись тяжёлых бабушкиных шагов: баба Таня решила спросонья, что «опеть кака-то холера приснилась», перевернулась на другой бок да заснула...

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

КОШКА НА ШИФОНЬЕРЕ

У Любы и Серёжи была игрушка-неваляшка, они привязали к ней длинную верёвочку и поставили на шифоньер, где хранилась посуда для гостей и для праздников: гранёные стаканы, тарелки – порции и полупорции, графины и кувшины для компота, вазочки для конфет. Верёвку от шифоньера протянули под стол, где дети спрятались и стали ждать.

Дед Папий и баба Таня вошли в горницу, Серёжа потянул за верёвочку, неваляшка закачалась наверху, задевая посуду, послышался звон. Старики оба повернули головы налево, затем направо, и баба Таня закричала снохе:

– Сима, будь она неладна, кошка-то, чё она тожо забралась на шкаф-от, всю посуду перебьёт!

Дети выскочили из укрытия и со смехом бросились бежать в сенки мимо растерявшихся дедушки с бабушкой... Часто потом вспоминали эту историю на семейных праздниках.

БЕЛКИНЫ ПРОДЕЛКИ

Внучка Романовых, Мариша, окончила первый класс и приехала на каникулы в деревню. Там её ждал сюрприз: котёнок, которого для неё оставили у кошки Машки прошлой весной, превратился в милую игривую кошечку. Её называли Белкой. Она не походила на всех романовских кошек, крупных, серых и пушистых. Белка была короткошерстная, с белым туловищем, спинкой с трёхшёрстными пятнышками, серой мордочкой и полосатым хвостом.

Кошечка всю ночь гуляла со своей мамой, а под утро пробиралась к спящей Марише и ложилась рядом с её головой на подушку. Девочка просыпалась и радовалась, видя, что она не одна, и рядом сопит усатая мордочка. Дед уходил на работу в пожарку, бабушка – в контору, а внучку они запирали на замок до обеда, но она не скучала – у неё была Белка! В городе домашних животных заводять ей не позволяли, поэтому в деревне она с радостью проводила всё время с кошечкой.

Белка очень любила яйца. Из голбца, куда она пряталась порой от назойливой девочки, её можно было выманить, постучав по столу, как будто разбиваешь скорлупу и чистишь яйцо. Кошечка всегда получала дружескую половину любимого угощения от Мариши,

затем они играли в бантик: девочка привязывала бумажную бабочку к поясу от бабушкиного халата, и они носились с Белкой по комнатам, играя в догонялки. Кошка настигала бабочку, хватала коготками, каталась с ней клубком, драла задними лапами, и, наконец, отгрызала от верёвки. Мариша заливалась радостным смехом. По сути дела Белка была живой куклой – девочка шила ей юбочки, пелёнки, одеяла, и заворачивала как маленького ребёнка, оставляя открытой только усатую мордочку.

Как-то раз в Светлый Дол с села Берёзово приехал в гости к сыну прадед Мариши, дедушка Папий. Он был большой любитель сваренных вкрутую горячих яиц. Вот и сейчас дед сидел на кухне за столом и ждал, пока доварятся яйца, затем Сима, сноха, зальёт их холодной водой и подаст на завтрак (дедушка приехал на утреннем автобусе). И вот на столе появилась тарелка с яйцами, дед Папий с удовольствием ухватил одно из них и принялся стучать им по столу. Белка пулей вылетела из голбца, встала на задние лапы, а передними оперлась на сиденье пустого соседнего стула. Она замерла в ожидании лакомства, к которому приучила её Мариша. Ничего не подозревающий дедушка посолил яйцо и откусил, затем потянулся было к солонке... Тут Белка вскочила на соседний стул, а с него молниеносно прыгнула к деду на колени. Тот от неожиданности выронил яйцо, кошечка тут же смахнула его лапой на пол, спрыгнула и покатила к голбцу. Через несколько секунд не было видно ни яйца, ни кошки. Дед Папий до того обомлел, что не успел в этот раз даже сматериться. А потом, когда дед Саша и баба Сима рассказали ему про Маришину «подружку», долго смеялся.

УБИЛСЯ

Прадедушка Папий родился в конце девятнадцатого века. Спал он всю свою долгую жизнь на полу, подстелив что попало: лопотину какую, шапку под голову, одеяло... Но вот в деревне в начале пятидесятых пошла мода на кровати. Были эти кровати «из всего железа», как тогда говорили: тяжёлые, разборные, с железными пружинами. Вот и Романовы приобрели такую двухместную кровать.

Дедушка Папий говорит бабушке Тане: «Давай, ложись, старуха, к стенке, будешь через меня скакать, коли пить али по нужде».

Потушили свет, легли спать. Вдруг, где-то в самый дикий час, глухую ночь потревожил трёхэтажный мат и грохот. Испуганные

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

дети и внуки соскочили с постелей, кинулись в комнату стариков и включили свет: дедушка Папий лежал на полу ничком, как будто ждал, что его будут обводить мелом по контуру, а бабушка Таня испуганно заголосила: «Старииииик-от убился!»

Но когда дедушке помогли подняться с пола, поняли, что для солдата Николаевской войны, как именовал себя Папий Алексеевич, падение с кровати прошло почти бесследно.

Выяснилось, что дед Папий пошёл по нужде, по привычке встал во весь рост, шагнул с постели... А пола дальше не было, и дедушка полетел в глубокую темноту, успев ещё и сматериться напоследок.... «Тудить её, кровать-ту!» – закончил дед Папий свой рассказ, и все расхохотались, а потом ещё долго не могли уснуть: один кто-нибудь засмеется, и все подхватают. Так дедушка проспал на кровати свой «первый спень».

УСЛУЖИЛА

В доме Романовых по вечерам всегда бывало много гостей: то тётя Кия зайдёт, то дочь Маруся с Анатолием, то старики соседские в карты «зыграть» приходят. А в этот раз решили Октябречку отметить: купили водочки, пельмешков наварили, выпили по первой – второй рюмашке, закусили, решили «зыграть» в картишки, в подкидного дурака.

Бабы отказались с мужиками играть, потому как зять Романовых, Коля, заиграл в куте на баяне, те схватили издававший виды песенник и побежали песни петь.

Бабушка Татьяна потихоньку носила из горницы на кухню освободившиеся тарелки, мыла их и убирала в буфет. С улицы, услышав песни, пришла и сватья, Нина Михайловна, а все стулья и скамейка уже были заняты. Баба Таня заглянула в горницу, увидела свободный стул рядом со столом, ухватила его за горбатую спинку и пригласила: «Садись, сватья, с нами песни петь!»

В ту же минуту из горницы послышался грохот и талантливый мат. Коля прекратил играть, все бросились смотреть, что случилось... Оказалось, баба Таня умыкнула стул, когда дед Папий поднялся, чтобы раздать карты и чокнуться рюмашкой со «всем уважаемым собранием», как он называл своих гостей. Замахнув водочки, дедушка хотел присесть снова, но стула уже там не было... Он больно ударился копчиком об пол и выразительно это описал. Бабушке

досталась небольшая порция брани – при гостях неудобно, пострадавшему налили водки для лечения, и праздник продолжился.

Коля заиграл, бабы стройным хором запели: «От зари до зари, от темна до темна о любви говори, пой, гитарная струна». Затем перешли на частушки, стали дробить по кругу так, что посуда зазвенела на столе и в буфете. А старый Николаевский солдат уже раздавал карты по новому кругу, потому как после двух пережитых войн падение под стол было всего лишь весёлым приключением.

ВЫСТРЕЛ ПО ОКНАМ

Крестовой дом Романовых находился в очень красивом и удобном месте села: за огородом виднелась школа, через асфальтовую дорогу – медпункт, с крыльца просматривался берег реки, а за ним – трасса, по которой вечно бежали машины, тракторы, комбайны, рейсовые автобусы на Пьянково и Камаган. Прадедушка Папий построил этот дом своими руками, вместе с сыном, Александром.

Была тихая летняя ночь, тёмное небо мерцало крупными и мелкими звёздами. Дом Романовых мирно дремал под высокой лиственницей. Деду Папию снилось, что он всё ещё кучер Колчака, и снова пытается от него сбежать. Старик увидел всё в подробностях: вот он привязывает лошадь к дереву, берёт вещмешок с запасом провизии и под покровом ночи спешит скрыться в родных лесах... Дед даже начал тихонько подвывать от холодного страха и долгожданной свободы. Тут раздался громкий удар, и он понял, что побег расскречен, и в него палит кто-то из погони...

– Убили! Убииииили меня! – от крика дедушки Папия проснулись дети и внуки.

А бабушка Таня подхватила спросонья истошным голосом, не разобравшись, в чём дело:

– Ууууу, хто-то по окошkam выстрелил!

Сын Александр, внучка Люба и внук Серёжа бросились все к разным окнам: в куте оба целые, в горнице тоже, и у стариков оба окна со стёклами.

Включили свет и стояли, пялились друг на друга, не отойдя от неожиданного пробуждения. Вдруг обнаружили, что на стене, где висело зеркало, торчал только здоровенный гвоздь. Зеркало благополучно покоилось на комодe, упав из-за предательского разрыва верёвки, на которую его повесили.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

– А вот те и выстрел, тятенька, – пробормотал Александр.

– Дак это, Александро, не серчай... Колчака пережили...– извиняющимся голосом ответил дед Папий.

На следующий день вся деревня пересказывала историю про выстрел по окошкам.

ПАЯЛЬНАЯ ЛАМПА

Дед Папий натопил баню и ждал сына – шофёра из рейса: «Вот приедет Александро со стужи-морозу, в баньке попарится. На дворе-то мороз трескучий!»

Дедушка начал топить баню где-то в полвторого, чтобы к пяти было в самый раз, но вот уже шесть, семь, восемь, а сына всё нет. Старинные часы пробили десять, когда у ворот заурчал мотор: Александр Папьевич подъехал на своём грузовике. Заботливый отец засуетился, банька-то старая да худая, выстыло поди уже всё тепло:

– Александро, вот я с полвторого баню натопил, жду, а тебя всё нету и нету.

Сын не стал рассказывать про все трудности рейса, о том, как сломалась машина... Он успокоил отца:

– А мне, тятенька, жару не надо. Чечас паяльной лампой ж... погрею, холодной водой обкашусь и всё.

Долго потом на семейных праздниках эту историю вспоминали да смеялись...

ПОСИДЕЛИ ТИХОНЬКО

Дед мой, Александр Романов, шоферил в совхозе. Однажды он освободился от работы пораньше, встретил приятеля, Мишу Бутынцева, тоже шофёра, и решили они выпить. Купили в продуктовом магазине бутылку гамыры и пошли её распивать в холодке под тополями. Летом – благодать, хоть где выпивай да закусывай! Хотели тихонько посидеть.

Только мужики присели на траву да «раскубарили» бутылку, глядь, Игорь Алдабаев идёт. Мужик-то молодой, красивый, блондинистый, да только глухой. Кричать ему надо в самое ухо, чтоб услышал. Ну, пригласили и его в компанию, выпили по первой, по второй, стали байки шофёрские травить. Хохочут мужики до слёз, а Игорю обидно, не слышит ничего, пристаёт только: «А?» да «а?». Ну и

пришлось ему заново всё в ухо орать.

Участковый, Павел Михайлович, вышел на крыльцо сельсовета покурить. Слышит: орёт кто-то за магазином в тополях недонецки! Пошёл туда, чтобы разобраться, что за непорядок. Видит – сидят на траве шофера Романов и Бутынцев, перед ними стоит початая бутылка гамыры. Они Игорю Алдабаеву в ухо что-то кричат и хохочут втроём.

– Граждане, что здесь происходит? – строго поинтересовался участковый. Мужики опешили, Романов ответил:

– Да вот, Павел Михайлович, наробились да выпить с устатку хотим. Сидим потихоньку.

– Потихоньку, говоришь? – ещё строже спросил инспектор. – Да вы уже громкоговоритель на столбе у конторы перекричали! А ну, забирайте бутылку, и чтоб духу вашего здесь не было, а то выпишу штраф по 12 рублей каждому!

Больше Игоря Алдабаева в компанию для выпивки не приглашали.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЛЮБИМЫЕ СТРАНИЦЫ

«Букет из полевых цветов» – это книга воспоминаний городской внучки Мариши, которая, приезжая на каникулы или выходные к дедушкам и бабушкам, успела прикоснуться своей душой к деревенскому быту, яркому и колоритному языку, семейным обычаям и традициям.

Девочка впитала в себя безграничную любовь прадедушки Папия и прабабушки Тани. Мариша выросла и стала поэтом и писателем, Мариной Танаевой. Ей захотелось запечатлеть весёлые картины из детства, деревенскую реальность, и оставить память о родных, которых уже не вернуть...

РАСКАЗЫ. 2014-2018.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Молоденькая учительница английского и немецкого языка, Мария Александровна Ботникова, работала в школе уже второй месяц. Ей только-только исполнился 21 год, и некоторые ученики в старших классах были моложе её всего на 5-6 лет. Но девушка, несмотря на возраст, была строгой и серьёзной, хотя со своим 7 «Г» классом, который ей «вручили в подарок», как шептались коллеги, она вела себя иначе. Это был класс коррекции: слабенькие по здоровью и учёбе, переростки, второгодники, но она их почему-то сразу полюбила, хотя сама всегда была активисткой-хорошисткой.

Ребята были хоть не семи пядей во лбу, но добрые и весёлые. И они отвечали Ботниковой взаимной любовью и преданностью. Это была любовь с первого взгляда, когда директор школы вошла к ним на урок истории и представила: «А это – Мария Александровна Ботникова, ваш новый классный руководитель, и ещё она будет вести у вас немецкий язык».

Будущие ученики рассматривали девушку в строгом сером костюме, подчёркивающим стройную фигуру, взгляды юношей-переростков пробежали вниз по светлым капроновым колготкам и остановились на чёрных туфельках со шпильками – каблукками. Девочки рассматривали светлые волосы, собранные на затылке в идеальный «валик», и игривые две завитушки у висков. Ботникова охватила класс спокойным взглядом больших серых глаз и поздоровалась. Тут рыжий мальчик с веснушками, местный заводила, Лёха Горланов, даже присвистнул и заорал баском:

– Я влюбился, переведите меня в немецкую подгруппу!

Класс взорвался в смехе. Директор сделала строгое лицо, но Мария Александровна хитро улыбнулась и сказала:

– Спасибо за комплимент, молодой человек, но если переведёте в мою подгруппу, никакие комплименты Вам не помогут: будете зубрить слова и тексты на полную катушку!

И все снова засмеялись, а директор, Лидия Ивановна, бывшая учительница немецкого языка Ботниковой, похвалила девушку уже в коридоре:

– Ну ты, Маша, молодец, нашла, что ответить. Класс непростой, но ты, думаю, справишься.

И ребята, и девчата, бывшие «колючие ёжики», словно оттаяли душой и потянулись к «класснухе», как они её между собой называли. Маша даже подслушала как-то их разговор в коридоре, где стояли рядом два класса – высокомерные «ашки» и её коррекционные «гэшки»:

– Эй вы, ашки-алкашки, – так начиналось традиционное приветствие, – у нас-то класснуха самая красивая и умная в школе, вот мы вас теперь сделаем!

– Да вы как были в «Г» во всех смыслах, так и останетесь! – парировали им из седьмого «А». – Бросит она вас, дураков, скоро, потому что вы тупые и ничего в жизни не догоняете!

Ботникову порадовало то, что седьмой «Г» ей гордится, но за «тупых» стало обидно. Она поклялась себе, что доведёт их до девятого класса, чего бы ей это не стоило. Надо сказать, что Маша в школе и в университете всегда играла в команде КВН, и класс ей достался тоже «весёлый и находчивый», хотя порой и безбашенный, но только юмор всегда и выручал.

Был октябрьский вечер, рано стемнело. Мария Александровна вела уже шестой, последний в этот день урок у пятиклашек. Она очень устала, и ей хотелось пойти поскорее домой. В коридоре почему-то было темно, и свет горел только в двух-трёх кабинетах. Вдруг дверь распахнулась прямо посреди урока, и в класс заглянули две размалёванные рожицы: лица чёрные, а глазницы обведены ярким красным цветом. Они выпучили глаза и жутко завывали. Пятиклассники завизжали от неожиданности. Ботникова конечно же догадалась, что рожицы принадлежат её ученикам, Серёже Аникину и Паше Гнездилову. Они были этажом выше на уроке изобразительного искусства. Только куда подевалась Светлана Николаевна, и почему гуашь оказалась на лицах, а не в альбомах? Но рассуждать особо было некогда, и классный руководитель загнала «расписных» к себе на урок. Она посадила их за последнюю парту. Умысел был таков: Маша училась в художественной школе и знала, что если гуашь высохнет, её очень трудно будет смыть. Аникина и Гнездилова хотелось проучить за выходку, пусть «физиономии» подсохнут,

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

и тогда родители дома полюбуются собственными глазами, чем их чада в школе занимались.

Вдоволь накривлявшись перед пятиклашками, проказники заволновались:

– Мария Александровна, отпустите нас, мы умоемся в туалете и на урок вернёмся, а то Светлану Николаевну к директору вызвали, вдруг уже вернулась...

– Хорошо, идите, но только так, чтобы вас никто и нигде не видел и не слышал! – едва сдерживая улыбку, строго проговорила Ботникова. Семиклашки исчезли в темноте коридора. Оказалось, что их и увидели, и услышали. Об этом Мария Александровна узнала, когда её после урока вызвали «на ковёр» к директору. Лидия Ивановна, сама точно так же, как и Мария Александровна недавно, стала отчитывать молодую учительницу, пряча улыбку:

– Это что же такое вытворяет Ваш седьмой «Г»?

Оказалось, что в туалете, куда ушли умываться Аникин и Гнездилов, тоже было темно, как и в коридоре, лампочка перегорела. Мальчишки натирали друг другу лицо куском мыла, который нашли наощупь на раковине, смывали пену, а потом выглядывали в коридор, где всё же было светлее, понимали, что гуашь не отмывалась, возвращались назад и продолжали процедуру. В это время пятиклассник отпросился в туалет с урока русского языка. Он открыл дверь, а из темноты на него выглянули две чёрных рожицы с красными глазницами. Пятиклашка вскрикнул, и почувствовал, как теплая струйка потекла по ногам ... В туалет ему уже было не нужно. Он побежал жаловаться учителю, учитель в недоумении – к директору, и закрутилось...

И вот, Лидия Ивановна, потрясая головой с мелкими кудряшками, как у африканских красавиц, и возвышаясь над рабочим столом всем своим крупным телом, ругала Машу, пряча добрые глаза и сдерживая смех. А когда после этого разговора Ботникова в сопровождении директора вышла из приёмной, то увидела в коридоре двадцать семь человек, весь свой седьмой «Г» класс. Домой никто не расходился, все ждали окончания «беседы на ковре», чтобы уберечь классную от выговора или, ещё хуже, от увольнения. Первым из толпы выступил рыжий переросток Горланов и официально заявил:

– Лидия Ивановна, Мария Александровна тут ни при делах. Это всё я виноват, не доглядел. Меня же Светлана Николаевна за стар-

шего оставила, когда Вы её вызвали. Я проверил у этих чудиков натюрморты – нарисованы. Пока пошёл дальше у других проверять, эти двое (ребята подтолкнули сзади Аникина и Гнездилова, чтобы те вышли из толпы) размалевались и выскочили из кабинета, хотели Марию Александровну посмешить, а то у неё сегодня шесть уроков! А натюрморты-то у них классно получились, вот посмотрите! А ну, покажь! – скомандовал Лёха Горланов Серёге и Пашке.

И на самом деле, работы ребят были одна лучше другой. Директор школы сказала:

– Да, рисовать вы не только на лицах, но и в альбомах умеете, но только как же быть с перепуганным пятиклашкой?

Горланов опять держал за всех ответ, серьёзно рассуждая:

– Уладили мы с ним проблему, Лидия Ивановна. И извинились перед ним пацаны, не хотели же его пугать-то. Да это Саня Зорин напрудил, мой сосед. Я уже брата своего к ним домой за сухими штанами отправил. Ну не ругайте, пожалуйста, Марию Александровну, она же не виновата, что ей класс дебилов достался...

По дороге домой Ботникова шла и улыбалась: весёлая жизнь ждала её с такими «художниками».

КОМНАТА С РОЯЛЕМ

Я проснулась от ощущения прекрасного и воздушного: какой чудесный неземной сон! Видела свою квартиру, но как будто шире и светлее, чем в действительности! На дворе – ноябрь, а у меня во сне был тёплый солнечный апрель. Окна открыты, прозрачные кремовые занавески из органзы колыхались от легкого ветерка. Я сама не видела ни рук своих, ни ног, ни отражения в зеркале. Мне просто было легко и свободно.

Времени не существовало, времени суток тоже. По ощущению души, это было утро, но не раннее, с полусумасшедшими людьми, догоняющими маршрутки и бросающимися под колеса ослепленных водителей перед пешеходным переходом. Это было удобное время, когда ты выспался вволю, прошел на кухню, вскипятил чайник, умылся, заварил любимый чай или кофе. Апрель был ближе к его окончанию – свежий ветер, запах новой зелени и ожидание лета.

В середине зала, который вырос из тесной комнаты, ожил рояль. «Как жаль, – подумала я, – что не умею играть!» А рояль вдруг притянул меня к себе, как магнит скрепку, и заиграла музыка моей

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

души. Я чувствовала, что играю именно я, но не прикасаюсь к клавишам. Музыка казалась родной и знакомой, как материнская колыбельная.

Не было никого вокруг, но я не чувствовала одиночества. Всё пространство заполнялось Любовью. Казалось, что я – самый любимый кем-то человек на Земле, женщина, которую любят роковой любовью. Или я – младенец, которого любят в семье, забавляются с ним и играют...

... Возвращение было таким больным, как удар затылком об лед на тротуаре. А я уже успела так уютно устроиться в этом сне, а тут вымерзший насквозь ноябрь, суматошный понедельник и завал на работе...

Жизнь на Земле – наказание? Почему одни люди отнимают у других возможность жить так, как хочется? Почему мы шесть дней проводим на работе, среди чужих лиц, и только один-единственный выходной для своих родных? Почему родители, бабушки и дедушки, умирают в тоске и одиночестве, а мы в это время мечемся в поисках заработка, пишем бесконечные отчеты, бумаги, за что-то платим, делаем сотни ненужных дел, навязанные непонятно кем?

Выхожу на улицу, стараюсь не промочить ноги. Добираюсь до остановки, жду троллейбус, потому что на нем ездит меньше народу, и проезд дешевле. Экономлю на всем!

Неудобства, недоделки, стресс, страх... Когда это кончится?

Я еду по темному и сырому городу и улыбаюсь: может быть, когда я вынесу все эти трудности, постарею и буду невозмутимо и спокойно ждать смерти. Что я увижу? Быть может, комнату с роялем?

ХМЫРЬ

В дачном поселке «Дубки» снова стало оживленно. Вот и «бабье царство» Васютиных переселилось жить на дачу. Это – баба Лена, полная приветливая старушка, её дочь, Светлана Дмитриевна, дама средних лет с грустными глазами, и внучка, симпатичная девушка, Александра. Баба Лена, Елена Павловна, работала когда-то поваром в заводской столовой, а теперь давно уже была на пенсии. На даче она всё лето активно занималась соленьями и варениями. Светлана Дмитриевна была учителем рисования и черчения, в «Дубках» устраивала себе пленер и запечатлевала живописный пруд, на берегу которого находилась дача. Саша, то есть Александра Нико-

лаевна, работала в школе учителем истории, а теперь была, как и многие из её коллег, в отпуске.

Появившись на своем небольшом участке в четыре сотки, бабье царство обнаружило, что соседняя заброшенная дача стала обитаемой. На берегу озера, заросшем камышами, раскидывал сети какой-то мужчина. Он был высокий и очень худой – кожа да кости, одет в камуфляжный костюм и светлую летнюю кепку, на ногах – резиновые сапоги. Лицо его было смуглым, а взгляд колючий, внимательный и хмурый. Сосед по даче, не стесняясь, окинул изучающим взглядом женщин. Затем, не сочтя нужным поздороваться, вошел в свой нелепый недостроенный, но местами уже развалившийся домик.

– Батюшки. Хмырь-то какой, – вырвалось у бабы Лены.

Стой поры и пошло: «Хмырь» да «Хмырь». Александра Николаевна с точки зрения своих двадцати с небольшим лет сочла соседа почти стариком, мало обращая на него внимание. Иногда она хотела, правда, сделать ему замечание, мол, неплохо бы здороваться с соседями. Светлана Дмитриевна относилась к незнакомцу с беспокойством и недоверием. «Надо бы узнать у председателя или казначея, что это за тип», – сказала она как-то за завтраком. Саша, работая со школьниками, уже неплохо научилась разбираться в психологии. Она попыталась успокоить мать: «Сосед появился раньше нас, тем не менее, двери не взломаны, всё у нас на месте, ничего не пропало. Вон, и машинка у него старенькая со знаком «Инвалид». Живет да живет человек потихоньку на свою маленькую пенсию, сети ставит, рыбу ловит. Никого не трогает. По-моему, он абсолютно безобидный!»

– Где уж там, безобидный! – не согласилась баба Лена. – Глянь, Хмырище-то какой! Ни здравствуйте, ни до свидания! А взгляд-то какой! Вылупится да изучает нас с головы до пят. А после отвернется да идет в свою халупу.

От казначея, Тамары Сергеевны, Светлана Дмитриевна узнала, что сосед их – это прежний и самый настоящий хозяин дачи, просто освобожден недавно из заключения, а ноги вот отказывать стали. Инвалидность оформил. На даче живет, потому что другого жилья нет. Жена его из тюрьмы ждать не стала, развелась да за другого вышла. А в квартире той он и прописан не был. Мужик, говорят, вроде нормальный, выжить пытается. Рыбу ловит. Продает на рыночке...

Где-то в начале августа у подруги Александры Николаевны был день рождения, и дружная компания молодых учителей собралась

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

в городской квартире. У Ксении Леонидовны, русоведа, были и физруки, молодые люди весь вечер осыпали девушек комплиментами. Домой Сашу отпустили уже за полночь и то – нехотя. Вызвали такси.

Таксист, узнав, что ехать нужно в дачный поселок, сказал:

– Хорошо, знаю я «Дубки». Доставлю без проблем, только высажу Вас у домика сторожа, а то дальше асфальт кончается. Да и улицы узкие – не развернешься!

Саша подумала, что это недалеко от её улицы, и согласилась. Рассчитавшись с водителем, она неторопливо пошла по улице. Кое-где между дачами виднелось озеро, в лунном свете можно было различить плотки. Девушка шла с хорошим настроением, в голове все еще струились пузырьки «Шампанского», она вспоминала анекдоты физруков и улыбалась. Она не успела дойти всего-то ничего, когда из камышей появились три парня. Один из них, самый высокий, перегородил ей дорогу и сказал:

– А ну, сука, деньги, кольца, серьги, быстро! И показал ей нож.

Испугаться Александра даже не успела, потому что со стороны озера появилась еще одна фигура. Это был Хмырь. Недолго думая, он ударил веслом по рукам нападавшего, и нож улетел в камыши. На обидчиков один за другим посыпались удары...

– Ва-алим, – заорал высокий своим подельникам, и все трое побежали вдоль улицы и скрылись в темноте.

– Вы не бойтесь, – услышала она глуховатый голос. – Наркоманы местные. Больше не вернутся. Никто Вас здесь не тронет! Идите домой...

Саша посмотрела на своего спасителя и поняла, что он совсем не старик, лет ему где-то около сорока... И больше он ей не казался угрюмым, правда, чем-то походил на цыгана. Ей захотелось поблагодарить его и рассмотреть поближе, но с озера уже послышался плеск воды и шорох удаляющейся лодки...

На следующий день подвиг соседа Васютиных стал известен всей улице.

– Вот тебе и Хмырь! – сказала Светлана Дмитриевна своей матери.

– И никакой он не Хмырь, а Евгений Геннадьевич. Утром спросила, как звать-величать, – ответила баба Лена, упаковывая пирожки с яблоками для спасителя своей внучки.

ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА

Обычное депрессивное зимнее утро. Жизнь рассчитана по минутам: 6.00 – подъем. В полусонном состоянии бреду на кухню, чтобы поставить чайник. Через полчаса за ребенком зайдет мама. Через сорок минут могу опоздать на автобус, и, как всегда, рассердиться, увидев его хвост.

Но кульминация утра в нашем подъезде – это встреча с Ванькой-алкашом, как все его называют. Любимый Ванькин номер – выйти в шесть утра на лестничную клетку и приставать к соседям, спешащим на работу, с вопросами типа «Сейчас утро или вечер?» или «Сколько времени?» Иногда он пропадает на неделю. За дверями его квартиры слышится бормотанье, крики, смех. «Театр одного актера», улыбаюсь я. Ванька живет один, но пьяное воображение его создаёт целый мир, в котором он и пребывает, изредка возвращаясь к реальности, когда кончается спиртное.

Ваньке лет сорок, но он кажется хмурым, заросшим бородой, стариком одежда на нем всегда грязная, хотя и живет он в квартире со всеми удобствами. Ко мне отношение его всегда было особым: он знал, что работаю я учителем младших классов в школе. Не знаю, каким был его опыт общения с учителями, но, видимо, он продолжал уважать их и бояться и по сей день.

Часы, как секундомер, постоянно перед глазами. Отсчет этажей: 5, 4, 3, 2, 1... Но «пуск» не выходит. В тамбуре между простой и железной дверью стоит Ванька и с идиотски-счастливым видом восклицает:

– Учителька! Учителька! А сколько двоек ты уже выставила, а?

При этом он начинает самодовольно смеяться.

– Ваня, не сейчас, я опоздаю.

Но он уже панибратски начинает хлопать меня по плечу своими грязными лапами. И тут приходится собрать всё самообладание, и отрезвляющим учительским тоном сказать:

– Иванов, пропустите! Мне нужно идти!

Идиотская улыбка мигом исчезает, сорокалетний мужик превращается в двенадцатилетнего подростка – двоечника, опускает глаза, путаясь в словах:

– Да я чё... Да я ничего... Проходите...

Началась предновогодняя лихорадка: пакеты с «Шампанским», мандаринами и прочими атрибутами Нового года. Подъем на пятый

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

этаж, магазины, снова подъем. У Ваньки – своя забота. Булка хлеба, бутылки с «горючим». А в тот день еще и подруга!

«Для него это – роскошь!» – подумала я, рассматривая застенчивую деревенскую женщину в светлых валенках. В руках её были сумки, за спиной висел рюкзак.

– Погляди, учителька, какую я себе бабу на вокзале подцепил! Деньги-то у неё, коровушки деревенской, украли, ночевать негде...

Женщина подняла на меня глаза, полные безысходности.

– Он правду говорит? – поинтересовалась я.

– Да, я из Мостового приехала, накупила вот всего... Деньги у кассы на вокзале посеяла, а, может, и раньше где... – она заплакала, вытирая глаза пушистой варежкой.

– И что же, Вы у Ваньки ночевать собрались? – ужаснулась я.

– А куда мне на ночь глядя? Дом ваш рядом с вокзалом, утра уеду. Ваня вот денег одолжить обещал.

Ванька гнусно ухмыльнулся и стал бороться с замком, пытаясь открыть входную дверь. Я поняла, что нужно переходить к решительным действиям, оттеснила женщину к дверям своей квартиры, и мы с ней оказались у меня дома. Я прильнула к глазку. Ванька уже распахнул двери грязной каморки, оглянулся и не увидел спутницы. На откровенно-пьяном лице его отражается удивление, но после минутного замешательства «двоечник» решает задачу. Он бросается на мои двери:

– Учителька, с...! Отдай бабу! Я, может, женюсь на ней, может, пить брошу...

Концерт продолжается минут десять, железные двери выдерживают натиск. Становится тихо. Я снова смотрю в глазок – Ванькины двери открыты настежь, его самого уже не видно.

Моя нежданная гостя снимает пальто, не знает, куда себя девать. Она старше меня лет на десять, но из-за полноты и старомодной одежды выглядит ровесницей моей мамы.

– Надежда, – представляется она.

– Татьяна Николаевна, – по учительской привычке отвечаю я, но вовремя спохватываюсь, – а для Вас – просто Таня.

Каждый раз, когда я встречаю жителей деревень, на меня нападают светлые и тоскливые воспоминания о детстве. Я родилась в городе, но родители каждый раз отправляли меня на каникулы в свою родную деревню к бабушке и дедушке. Там я училась ухаживать за коровой, поросятами, цыплятами, а кошки просто по две или

три спали в моей кровати, несмотря на протесты бабушки. Вот и сейчас, почувствовав запах коровы от Надиной одежды, и слушая её говор, я оттаивала душой. «Какие они чистые, не испорченные стрессом, эти сельские жители», – думала я.

Класс мой был уже на каникулах, делать мне было нечего. Надя поводилась с моим сыном, почитала ему на ночь сказки. Она как будто давно была знакома с моей семьей. Мы поболтали на разные темы: про её пьющего сына (это в семнадцать-то лет!), больную маму и жизнь без мужиков (где их теперь найдешь?). Я постелила ей перину у батареи, так как места в однокомнатной квартире все равно больше не было. Утром я напоила Надю чаем, одолжила денег на дорогу и проводила на вокзал.

Возвращаясь домой, я заметила, что дверь Ваньки открыта настежь, точно так же, как он и оставил её накануне. Нехорошие подозрения заставили меня остановиться на пороге его квартиры. «Театр» молчал, хотя, по многолетнему сценарию, должен был во всю давать «представления». Я позвонила в двери соседей. Мужчины собрались, вошли...

Гора бутылочек на столе, нетронутый хлеб... Окоченевшее тело в углу.

«Может, женюсь... Может, пить брошу»... Зачем я вмешалась в эти человеческие судьбы? Зачем я вообще такая правильная, если жизнь – игра без правил? Зачем я каждый день выхожу к доске, учу детей, «сею разумное, доброе, вечное», а потом они уходят, спиваются, превращаются вот в таких Ванек или Манек... Иногда, чтобы воспитать ребенка, нужно начинать с его родителей. Почему так суждено? Почему я верю в притчу о морских звездах, выброшенных прибоем на берег? Зачем я брожу по пустынному берегу и спасаю одну, вторую, третью... всё бросаю и бросаю их обратно в море, как тот старик из притчи. «Я не спасу всех, но спасу каждую конкретную звездочку», – объясняет он мальчику.

Думаю, думаю... виню себя, снимаю с себя ответственность. Проходят новогодние праздники, дети возвращаются с каникул, мои «морские звездочки». Выхожу к доске, потому что ничего иного делать не умею. Улыбаюсь: «Театр одного актера»...

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

ПИСЬМО ОТ БАБУШКИ

Ноябрьский прохладный вечер. Осень какая-то нынче сумасбродная. Весь снег за три месяца выпал оптом в конце сентября. А сейчас мы ходим по застывшей обнажённой земле и переживаем за неприкрытые саженцы и озимый чеснок, как бы всё не перемерзло! Мама переживает, каждый день до дачи ходит, то яблоньку чем-нибудь ещё обмотнёт, то травой сухой грядки засаженные потолще прикроет. Беспокойная она у меня душа.

День был трудным и суматошным, и я очень обрадовалась, когда, проходя мимо почтового ящика обнаружила письмо, написанное неровными старческими каракульками. Это от бабушки. Ей вот уже восьмой десяток пошёл. Я представляю её перед собой, маленькую, худенькую, суетливую, с добрыми глазами, сажу, пью чай, читаю и перечитываю строки:

«Маришенька, матушка ты моя! Боль ты моя неоцененная! Ни письма от тебя, ни звонка, ни весточки. Цельный месяц жду – не дождуся. Вот уж сама писать уселась. Глаза-те не видят ни черта. Здоровья-то не стало уш. Ночесь дед приснился, покойна головушка. Вот, не забират меня к себе никак.

Вчерась пояснису прострелило, в больнису не поехала, денег надо, да автобусы не ходят, просить кого, не знаю прямо я. Так, на ночь помазала одуванчиками на водке, ды упать вперед.

Вот худо-то, раньше в совхозе на ГСУ хоть робила, подсоблять звали, нонче и ГСУ закрыли. Вовка Батиков, учёный-то наш, ближе к городу в Садово укатил. Емя с агрономшей шибко там нравится – усадьба добрая и магазины дешовы рядом. А мне теперь только если в телятниси идти, дак упать же силы то нет. А пока могу, вот куричёшек держу, приедите, яиса вам хоть с матерью вышлю.

Наняла с осени робят, дров накололи. С водой, Маришенька, шибко худо: колодес обмелел. Каждый день мы с четырёх утра очередь занимаю под горой-то я первее всех приду, то Топкосовы, то Корюкины. Воду черпам по подведра, упать ждём, пока напоточится. Приезжали с городу, говорят, скважину надо. Деньги упать же. Худо нам, старикам. Я подумала, скоро уш помирать, ну её к щёрту, эту скважину.

А Лёха Модный, совсем, холера, запылся! Давеча пал, валятса у сельсовета, я пошла на МТМ, мужикам говорю, замерзнет ить, сабака такая! Мужики ево доташшили до магазину, бросили на пол. А

Марина Танаева

продавшиса, Валентина Секисова, давай самой-то звонить, мол, Нина, приходите с ребятами да заберите. А емя ево не надо! Пущай проспится, мол, каждый день пирует, после сам придёт домой. Вот так, Мариша, мы тут поживам. Серёжка Еланцев всё спрашивает, когда ты приедешь, только, доча, не надо нам такой родни. Ты себе в городе непьюшшего да не куряшшего найди, а то наши, местны-то все запилися да с замужними бабами переплелися, всё емя не имётся, что дружки их молодыми помирают.

Не забывай бабу Любу, скоро Новый год. Я утре тесто заведу, пельмешков вам с матерью настряпаю. Скоро уш, поди, приедите, недельки через три.

Село Светлый Дол, совхоз «Белозерский», от бабы Любы Романовой».

Пельмешки! Вкусные, бабушкины фирменные! Я прямо увидела перед собой тарелку с только что сваренными, горячими пельмешками, представила, как посыпаю их перцем, кладу в них сметану... Скорей бы Новый год! Побывать в деревне, повидать бабу Любу, вдохнуть в себя морозный воздух с запахом печного дыма... Я жалею тебя, я люблю тебя, моё село, таким, какое ты есть. Ты – вечная щемящая боль в моём сердце! Не умирай, живи, как можно дольше. Я без тебя не могу...

СТИХОТВОРЕНИЯ. 2017-2019.

Утро. Январь.

Раннее небо как синька,
Город встаёт на пробег.
Каждой отдельной снежинкой
Сыплется сказочный снег.

Месяц плетётся улиткой –
Что же до нас за дела?
Эта зима как с открытки
В мир неуклюжий сошла.

Плача, стеная, играя
Или безумно смеясь,
Я тебя не отпускаю,
Робко заботясь о нас.

И пребываю в пространстве
Вечного лета, добра.
Это приют для скитальцев,
Я в нём с утра до утра.

Ты, как Огонь, только ласков.
Вечную свечку зажжёт.
...сыплет с Небес милой сказкой
Тихий искристый снежок.

Белозерка

Моя родная Белозерка!
Знакомый с детства мой вокзал.
Машины открываю дверку,
Гляжу вокруг во все глаза.

Возник «Магнит» и «Метрополис»,
И храм открылся на селе,
Я помолюсь и успокоюсь
Здесь, на моей родной земле.

А рядом с храмом, новым веком
И современностью маня,
Зовёт к себе библиотека,
На встречу дети ждут меня.

До боли говор их известен,
Обрывки фраз услышу я:
«Что? Светлодольская? Из местных?
А вдруг она – моя родня?»

Стихам моим внимают жадно
Про быт и добрые дела,
И верят: я – не горожанка,
А из соседнего села.

...С букетом шла вдоль тихих улиц,
И узнавала детство в них.
Я словно в дом родной вернулась
Из странствий дальних, кочевых...

Не плачь ты, бабушка Татьяна...

Был накануне день туманный,
Он словно прошлого привет.
И слёзы бабушки Татьяны
Во сне я вижу сквозь рассвет.

Она во мраке полуночном
Сидит на кухне у окна,
Читает похоронки строчки
Десятилетия без сна.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

Но только скрипнет половица
Иль ветка постучит в окно,
Мать сердцем к сыну устремится,
И в смерть не верит всё равно.

Всё ждёт с войны его веками,
Закат встречая и восход,
Вы объясните старой маме:
«Афоня больше не придёт».

Кому теперь задать вопросы,
Как я девчонкой задала:
«О ком, бабуля, твои слёзы?
Кого ты у окна ждала?»

И помню, как она застонет
Смертельно-раненным зверьком:
«Погиб сыночек мой, Афоня,
О нём я плачу, вот о ком!»

Да, вот и бабушки не стало,
Ушла к Афоне не спеша.
Но слёзы все её впитала
Родная детская душа.

Теперь без сна я постоянно
Пишу стихи, а цель одна:
«Не плачь ты, бабушка Татьяна,
Пусть будет проклята война!»

Атмосфера весны

Пропитана весною атмосфера,
Я строю мир, невидимый для всех.
В нём только смех, весёлый смех без меры,
В нём только счастье и в любви успех.

Кружит снежок – он крайний, не последний.
Звенят звонки – гудят колокола.

Во всех сезонах климат только летний,
Какая Сила от Небес пришла!

На расстоянье ты, мой Спутник Верный,
Но связь идёт меж нами без помех.
Пропитана весною атмосфера,
И вечен мир, невидимый для всех!

Опять последняя свеча...

Душа как вера горяча,
Нет слёз, они в кристалл застыли.
Опять последняя свеча,
Сгорая, придаёт мне силы.

И притяженья больше нет,
Но есть молитва и спасенье.
Мне словно восемнадцать лет,
И впереди – лишь воскресенье.

Душа как вера горяча,
Во снах я снова улыбаюсь.
Опять последняя свеча
Искрит, от ветра разгораясь...

Николаю Аксёнову посвящаю...

Запах трав и шёпот старых клёнов,
Тихий и задумчивый рассвет.
Это, в целом, Николай Аксёнов,
Родина в стихах – его секрет.

Солнышко бредёт по небосклону,
Лай собачий слышен вдалеке –
Пишет, как играет на гармонии,
И звучит мелодия в строке.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

И живут в стихах родные дали,
Перелески, пастбища, покос –
С детства сердцу милые детали
Снова душу трогают до слёз.

Тихий дождь

Наш апрель промчался быстрым шагом,
Я вдыхаю свежесть ветерка,
Воробьишек бодрая ватага,
В небе – кучевые облака.

Мокнет зауральская столица,
Только мне не грустно на душе.
Я хожу-брожу, читая лица,
Сердце из стекляшек в витраже.

Вот стекляшка розовая – счастье,
Вот стекляшка серая – тоска,
Вот пурпурный цвет – шальные страсти,
Неба синь – надежда на века.

Вновь глаза я к небу поднимаю,
И светлеет, молча, небосклон.
Словно пролилась вода святая –
Освящен промышленный район.

Чудеса бывают, перемены...
Как он тих, спокоен этот дождь.
Прихожу в себя я постепенно,
Если ты надежду мне даёшь.

Апрель

Я верю в нас или не верю,
Но свято верю я апрелю,
В нем ежегодной светлой сказкой
Опять придёт на Землю Пасха.

И понесётся вновь привольно
Весёлый звон, звон колокольный,
Меня подхватит тёплый ветер,
Обнимет тихо на рассвете,

И я пойму, к чему стремиться.
Зажечь свечу, стоять, молиться,
А сердце где-то в поднебесье:
«Христос воскрес! Христос воскрес!»

Письмо от бабушки

Мой сельский дом давно уже заброшен,
Но в твоём сердце, внучек, он живёт.
Тебя я воспитала, ты хороший,
И в жизни пусть одна удача ждёт.

Господь с тобой пускай пребудет вечно,
Всё лучшее вложила я в тебя.
И вижу, дорогой мой человек,
Как утром ты встаешь в сиянье дня.

Тоска по мне пусть сердце не тревожит,
Я – это ты, а ты всегда со мной.
Смерть не отнимет то, что всех дороже,
Пускай не вечен этот мир земной.

Живи, как я учила, век достойно,
Купайся в волнах Света и Тепла,
И помни, что душа моя спокойна,
Я только для тебя свой век жила.

Заканчиваю

Заканчиваю все свои дела
И в край чужой долины отправляюсь.
Запомните меня, я здесь была,
Но по Земле опять душой скитаюсь.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

Запомните, забудется с трудом
То, что самой Мариной создавалось.
Мне вся Земля как мой уютный дом,
Бежать за горизонты – моя шалость.

Я належке, душа моя тепла,
И в направленья лета сыплют строки.
Заканчиваю все свои дела.
Имеются всему на свете сроки.

Опять

Опять, опять предел у нервов,
Искрит под напряженьем злость.
Опять я начинаю первой,
Мне всё спасти не удалось.

Я помню милые моменты,
Но почему сейчас дошла
До неудачных комплиментов,
До вечной ревности и зла?

Я лишь к себе сейчас жестока,
Пройдёт во мраке день слепой.
Я слишком в мире одинока,
Чтобы делить его с тобой...

Но беспрестанно возвращаясь,
Опять смотрю в твои глаза:
Скажи, зачем ты всё прощаешь,
Там, где простить уже нельзя?

Краюха хлеба

Краюха хлеба. Подоконник.
Я знаю, голубь прилетит.
И правда снов моих бездонных
Не так предательски болит.

Я знаю, новый век наступит,
И вспыхнет белый столб огня.
Мы будем жить не в старом срубе,
Достанешь крылья для меня.

Ну, а пока – краюха хлеба,
Ты прилетишь, а я ушла.
Теперь один летаешь в Небе,
Но в мире места нет для зла.

Кровь не пошлешь по электронке

Кровь не пошлешь по электронке,
Но ей написаны стихи.
Разбито сердце у девчонки.
И снова платит за грехи.

Моя находка как потеря,
В ушах колотит сердца шум.
И как Есенин в «Англетере»
Я кровью строки напишу.

Лови, любуйся, смейся звонко,
Но помни, смысл какой ценой.
Кровь не пошлешь по электронке,
Мир понимает взвешенной.

Ксении Фёдоровой посвящаю...

Взгляд такой: и чистый, и весенний,
А глаза, как в небе пара звёзд.
Средь героев Фёдоровой Ксении
Я осталась в мире детских грёз.

Снова пёсик едет на машине,
Снова хрюшки в лужу улеглись,
Пусть на миг разгладятся морщины,
И светлее, в общем, станет жизнь.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

Вот, среди проблем и серых будней,
Суеты и нервов, и потерь
Ксюша дверь откроет сказки чудной,
Ты иди за ней, ты только верь!

По лабиринтам

Набегалась сама с собою
По лабиринтам прежних лет.
И поняла, чего я стою,
И почему же я – поэт.

Удар был в юности жестоким,
Пережила, но на душе
Холодным потом стыли строки
О том печальном вираже.

Теперь светло, я вышла к дому
Из лабиринта прошлых дней.
Утихла боль, прервалась кома,
Явился смысл судьбы моей.

Ещё витает ужас старый,
Не заклюёт – спасёт мой кров.
...Но если б не было ударов,
Я не писала бы стихов.

Мой дачный мир

Там, за мосточком из бетона,
Есть очень милый дачный мир.
Тобол течёт, а ивы сонно
В него глядят, он их кумир.

Там светит солнце каждым летом,
Я ухожу туда опять
И буду истинным поэтом
Там круглосуточно писать.

Мне одиночество отрадно,
Лишь чаек мир и мир сорок.
Плывёт знакомая ондатра,
И как тут будешь одинок?

А мир растений многосортный
Сподвигнет на фонтан идей.
Мне там уютно и комфортно,
Где нет завистников – людей.

Мечтается

Вечер, уставший, по городу бродит,
Люди в мечтах устремились к субботе.
Ждут их хрущёвки и многоэтажки,
С счастьем бумажным или настоящим.

Вы прогуляйтесь по городу сами,
И повстречаетесь с кем-то глазами.
Кто-то посмотрит на Вас откровенно,
Кто-то отводит свой взгляд неизменно.

Да, я бываю усталой, сердитой,
Только всегда я для мира открыта.
Если Вселенную сердце попросит.
Ангел мечты мои с Неба приносит.

Если мечтается, жить нам не страшно.
Вечер по городу ходит, уставший...

Второе июня

Неласковый рассвет, второй в июне.
Ищейка-ветер в каждую дыру
Заглянет, в подворотне злобно плюнет,
Разыскивая лето поутру.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

Пытается цвести вокруг природа,
И ждёт своей амнистии сирень.
Прохожий, матом описав погоду,
Сливает в телефон свою мигрень.

И, взглядываясь в будни осторожно,
Сквозь время – переходную межу,
В колонки сортирую правду с ложью,
И под диктовку июня стих пишу.

Сюжет

Амбициозный вечер стрелки крутит,
И непреклонно к ночи мчат часы.
Вот жизнь и подобралась к самой сути,
Ты у Небес подмоги попроси.

Вставай, взбодрённый мглой и безнадёгой,
От холода ты бодр как никогда.
Но глубину чужой души не трогай,
Коль не указан путь тебе туда.

Мне в тишине в себя прийти бы надо,
И красной нитью свой сюжет прошить.
А листья, исцарапанные градом,
Доказывают: можно дальше жить.

Новое

Сердце моё словно новое,
Пахнет листвою кленовою.
Счастье, слезами омытое,
Доброе, нежное, сытое.

Сердце, строками воспетое,
Бьётся, в ладонях согретое.
Ласка струится безмерная
В сердце надёжное, верное.

В новой блаженной обители
Сердце отраду увидело.
Тёплые руки – основой.
Сердце моё словно новое.

Потеря

Смешались сигареты и духи,
Нервозный день прошёл, и отдыхаю.
В пустом кафе пишу свои стихи,
У настроенья – пятница плохая.

Полгода пролетело, рад-не рад,
Средь суеты, тоски, веселья, лести.
И вспомнилось опять, что умер брат,
И с ним не посмеяться больше вместе.

Полгода, как его на свете нет,
Потеря неподъёмная, большая.
И запах откровенных сигарет
Парфюмом бесполезно заглушаю...

Запоздалое цветенье

Запоздалое цветенье
В яблочном дыму.
Словно глав забытых чтенье,
Чтенье на дому.

Я пишу и я читаю,
Всё в одном лице.
Точка, точка, запятая,
Мысли о конце.

Ты меня не отпускаешь.
Я не остаюсь.
На душе веселья залежь
Заменяет грусть.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

Пусть июнь не будет шоком,
Ты не протестуй.
На щеке моей ожогом-
Солнца поцелуй!

Букет сирени

На окне – букет сирени
День сегодняшний изменит.
Поищу я пятилистник,
Мой залог удачи в жизни.

Съем его я как приметку:
Вот бы вытянуть билет мне,
Тот, который я учила,
Сдать экзамен буду в силах.

Жизнь с улыбками, слезами,
Как один сплошной экзамен.
Но в момент её изменит
Аромат шальной сирени!

Плохой сюжет

Любовь – студенческий бюджет.
Упадок сил. Конец тетради.
Я выбрала плохой сюжет.
Переписать его бы надо.

В сердцах героев – чистота,
Они не могут друг без друга.
А в жизни всё опять не так,
А в жизни ждёт двоих разлука.

Писать желанья больше нет.
Во взглядах истина простая.
Любовь – студенческий бюджет,
К концу недели иссякает.

Вспомню я деревню

Вспомню я деревню,
И поленниц вязь.
Домик – сруб наш древний
Лиственницы бязь.

Мерный скрип колодца,
Свежий плеск воды.
Тёплый лучик солнца,
Мелкие кусты.

Куриц бестолковых
Вспомню, злых гусей.
Замычит корова
В памяти моей.

И петух на прясле –
Встанет всё в глазах.
Нет села, напрасно
Сердце всё в слезах...

Понять себя

Устала быть осторожной,
Слетела совсем с катушек.
Другую быть невозможно
От диких таких игрушек.

От ветра в душе прохладно.
Вторая неделя лета.
Одной в тишине приятно,
Но знаю: ты бродишь где-то.

Но знаю: ты есть на свете,
Но вместе не быть с тобою.
Все письма, звонки, беседы
Закончу я, и в покое.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

Не знаю я, что мне нужно,
Понять себя очень сложно.
Слетела совсем с катушек.
Устала быть осторожной...

Осыпаются листья

Осыпаются листья с деревьев,
Навеяв безбрежный покой.
Листопад как обряд очень древний,
Карандаш и тетрадь под рукой.

Вновь дыхание поднимется паром
И пойдёт тосковать к небесам,
Словно всё на Земле этой – даром,
А виною такому – ты сам.

Это – время осенних депрессий,
Неотопленность, сырость домов.
Это вновь телевизор воскресный,
Чай и чтение десятков томов.

Я пишу и пишу свои строки
Под диктовку осенней поры.
Нет в унынье ни толку, ни проку,
И смотрю на игру детворы.

А под утро приснится деревня,
Как бреду вдоль реки не спеша...
Осыпаются листья с деревьев,
Словно кается в чём-то душа.

Чимеево. Святой источник.

Чимеево. Святой источник.
Я погружаюсь в чистоту,
И, забывая мир непрочный,
Душой в Небесный Свет гряду.

Лик Богородицы серьёзен,
Являя людям благодать.
И тишина меж стройных сосен
Меня не станет осуждать.

Я без сомнения и страха,
Чтоб безнадежность смыть и грусть,
Надену белую рубаху,
В святой источник окунусь.

И выйду новой из купальни,
Душе к рассвету плыть веля.
А в небе мчат к сторонке дальней
Три белокрылых журавля.

Кочевница

Приклеились листья к машине
На влагу ночного дождя.
Мне видится грустный мужчина,
Он что-то твердит, уходя.

А я сквозь туман полусонный
В предутренний сумрак гляжу.
И холод в пространстве балконном
Подхватит: «Прощай, ухожу!»

А я отнесусь философски
К законам земного пути:
Вся жизнь как тельняшки полоски,
За чёрной ты белую жди.

Не надо ни чуда, ни блуда,
Я просто пришла на постой,
А завтра кочевницей буду,
Ничьей путеводной звездой.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

Растерзана игрушка

Растерзана игрушка на асфальте.
Когда-то это чей-то зайчик был.
А вот теперь, вперёд, смотрите, нате!
Там ватные обрывки и опил.

Лежит как человек, и даже жутко:
Кто детскую игрушку не жалел?
Быть может, это было пьяной шуткой?
Над детством измываться кто посмел?

И холод по спине бежал от вида
Распластанной игрушки без конца.
Что было здесь? Жестокость иль обида?
Проделки сумасбродного мальчика?

Я твёрдо знаю: мир не станет лучше,
Покуда в нём жестокость есть и зло.
Разодранной валяется игрушка?
В живых остался кто-то. Повезло.

Приходит мне такое откровенье
Про «шалости» сегодняшних детей:
Возможно, этот злой, жестокий «гений»
Однажды доберётся до людей...

Две свечи

Уже шесть часов, вечереет,
Но в мае тепло и светло,
Приблизжусь к тебе, я, не смея
Сказать этих солнечных слов.

С тобой на дыхание ближе,
Теряюсь я наедине,
Спасает цветущая вишня,
С любовью мелькая в окне.

Весною влюбляться не трудно,
Ничто не похоже на быт.
И ждёт меня мудрое утро,
А вечер мятежный забыт.

Цветущая вишня – не клюква,
Не слёзы она, не беда.
Две свечки пускай как две буквы
В руках твоих сложатся: «Да».

Вечная свеча

Сегодня память горяча,
8 мая – тоже дата!
Пылает Вечная свеча,
В душе зияет боль утраты.

На площадях народ возник,
И ветер свечи не потушит.
Напоминает кровь гвоздик
Людей ушедших, самых лучших!
Они тогда рвались на фронт,
Детей на бабушек бросая,
И знали, враг войной идёт,
Отдали жизни, нас спасая.

Молитва. Память. Трижды залп.
Нас горе общее сплотило.
И никогда забыть нельзя
Бои и братские могилы!

Сегодня память горяча.
И всходит жизнь в колосьях хлеба.
Пылает вечная свеча,
Чтобы увидели нас с неба.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

Памяти моего брата, Шмакова Романа Сергеевича

Описываю ужасы,
Описываю боль.
И нет, это не мужество,
Поэта эта роль.

Описывать всё надо мне,
Так делать без конца:
И похороны братовы,
И стон его отца.

И мать безутешную,
Орудий трижды залп.
Покинул Землю грешную
Как крылья развязал.

Прошёл братан дорогами
Военными в Чечне,
И, скажем между строками,
Был очень дорог мне.

Мотались по деревне мы
С кассетником в руках.
И помню, как выросли мы
На Цоевских стихах.

Любовь. Ходили парами,
И в чувствах чистота.
И песни под гитару ты
На свадьбе мне играл.

Никто шутить не будет так,
Смешить и материть.
Прощай же, чудо чудное,
Как буду дальше жить?

Прощай, брательник младший мой,
Прости, что вышло так.
Как больно мне, как страшно мне.
Орудий трижды залп!

Вечер был

Вечер был удивительно снежным,
В отношеньях разрыв назревал.
Но решил ты, движением нежным
Мою душу в руках удержал.

Свет во мне загорелся спросонок,
Мелким снегом порхают стихи,
И смеюсь целый день как ребёнок,
Места нет для безумной тоски.

Знаю я, этот мир не навечно,
В нём ты временно будешь со мной.
И пока просто бесчеловечно
Разрушать этот призрак земной.

Позови меня, глядя в Путь Млечный,
Молча, в душу к себе пригласи.
Мир не вечен и всё в нём не вечно,
Так не будем об этом грустить.

Новый город

Вот заря, и Тобол на рассвете
Промерзает, закованный в лёд.
Знаю, двое теперь на планете,
Операция «Небо» идёт.

Я кручусь и смеюсь без заботы,
И меня не преследует страх.
Ощущается вечное что-то,
И любовный Вселенский размах.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

Всё на месте, и дом мой, и крыша,
Снова ворон сидит на трубе.
Это всё для тебя, и ты слышишь:
Я дарю этот город тебе!

Виват плащу!

Осень наступает деликатно,
Жарко днём, но утренний туман,
Холодок напомнят аккуратно,
Что у сентября коварный план.

На глазах у улиц сохнут слёзы –
Хватит это лето вспоминать.
Жду декабрь, праздники, морозы,
Свежесть снега, Неба благодать.

Мир преобразился, ну и ладно,
Я себя опять в нём отыщу.
Осень наступает деликатно,
Так виват – зонту, виват – плащу!

Навигатор Небес

Посредине зимы
Продолжается путь.
Есть в ней всё ещё мы,
В этом главная суть!

И пускай снега нет,
Стынет голый асфальт.
Тёплой дружбе Инет
Снова скажет : «На старт!»

И вперед понеслись
Сотни писем и строк,
Мы словами сплелись,
Как десятки дорог.

Тени жизни пустой
Нас не будут пленять.
Только ты как никто
Меня сможешь понять.

Страх оставим и стресс,
И глаза лишь в глаза.
Нам не важно: мы здесь
Или на Небесах.

Впереди наш восход,
Словно Бог в нас воскрес.
Это в жизни ведёт
Навигатор Небес!

В одиночестве

Зелёный чай с цедрой лимона,
Уютные диван и плед.
Проходит вечер монотонно,
В нём час как будто сотня лет.

Никто сегодня не напишет,
Никто опять не позвонит.
Воркуют голуби на крыше,
На кухне радио бубнит.

По кругу стрелки мчат беспечно,
Не происходит ничего.
Я знаю точно: время вечно,
А мы проходим сквозь него.

**ЗА СПИНОЙ.
Поэма. 2014-2015.**

1

По ночам я пишу – вот прорвало,
Словно в сердце плотину снесло.
И несется по венам со шквалом
Снова детство, родное село.

Где-то в нем еще чувствую милость
От судьбы. Далеко до беды.
И страшнейшее, что приключилось –
Полубморок ранней звезды.

Эти строки – дай Бог, не стенанья.
Обращается к миру душа
С ежедневным эфирным посланьем,
Чьи-то судьбы с минуту верша.

... Я устала скитаться по звездам,
Воплощаясь в бездарных особ.
Этот день как мгновение создан,
Будет вечным свидетелем проб

И ошибок: печатных, духовных,
Это – опыт накопленный суть.
Только Творчество – вот что верховно,
Мой единственный избранный путь!

2

И откуда пошли суеверья?
«Сорок, сорок», – как стрекот сорок.
Из крыла словно выплюются перья,
Отмечая мои сто дорог.

Ну, а чем же плоха вам сорока?
Не домашняя? С тем соглашусь.
Птица-сплетница? Мыслит убого?
Это – птица, впитавшая Русь.

Будет сорок. Кого-то пугает
Курс на пятый десяток подряд.
Я лечу, свои перья теряя,
Не теряя души благодать.

Ну, состарюсь, положим, до срока,
Ну, промолвят «хорош» Небеса.
...только быстрая птица сорока
Облетела весь мир как леса.

3

«Словно что-то со мной происходит:
В мире – оттепель, в сердце – метель.
Оперенье всегда по погоде,
И венчаю знакомую ель.

И врагов при обзоре не видно,
Но внутри недоверие есть.
Я – Сорока. Сороке солидно
Первой вести по миру разность.

Может птицей военной быть, штатской,
Всем вещать о войне ли, труде.
Может птицей-вещуньей быть в сказке,
Кроме леса не славясь нигде.

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

Я – Сорока, стрекочется ловко.
Наблюдаю стартующий день,
Выживаю с присущей сноровкой,
Попадая на солнце и в тень.

Отличится ли век сей комфортом
Для Сороки? Да вряд ли,
Пугач иль замена рогатки неловкой-
Ружьецо, птичья смерть, хоть ты плачь!

Убивать тебя нужно – не нужно:
Прогремит острый выстрел шальной,
Упадешь черно-белую тушкой.
Только крылья сложив за спиной».

... Стрекоча, недалекая птица
Рассмешила на славу меня:
«Ну, Сорока, кому же годится
Твое мясо для блюд применять?»

Для жаркого? Ну, так, еле-еле,
А в почете сейчас лишь шашлык.
Ты, подруга, стрекочешь без цели,
Не баран, не свинья и не бык!»

Вновь она не согласна по теме,
И стрекочет мне в уши, мигрень:
«Ты учти, кровожадное время.
Птица мирная – тоже мишень!»

4

Коль случилось в России родиться,
Здесь душа понимает без слов:
Славят родину звери и птицы,
Выдыхают деревья любовь.

К стороне этой, светлой и честной,
Не разрушенной ханской Ордой,
После Наполеона воскресшей,
После Гитлера ставшей святой.

У Сороки опять свое мнение:
«Нет роднее российских лесов!
Там, где птиц да зверья население
Ежедневно находит свой кров.

Там, где гнезда, нора иль берлога
Среди листьев, травы иль хвои.
И я, мирная птица, Сорока,
Облетаю владенья свои.

Как-то раз мне по полной программе
Браконьеры попортили жизнь.
Собрались на пикник как в рекламе,
Водки быстро в лесу набрались.

И охота пальнуть по мишеням,
Да рогатых в округе ни-ни.
И тут я, как на грех – невезенье,
Стала поводом этой возни.

И с азартом да матом ругаясь,
Дробью били по мне мужики.
Хоть попасть откровенно старались,
С водкой будет ли твердость руки?

На весь лес там пальба раздавалась,
Я летела на всех парусах,
Слава Богу, живую осталась,
До сих пор вспоминаю тот страх!

А когда я укрылась далеко,
То обида во мне поднялась:
Что им сделала птица Сорока?
Почему браконьерская власть?

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

Я, на ветке березовой сидя,
Отдышалась насилу пока,
Предаваясь глубокой обиде.
Вижу – «Нива» бежит лесника.

Дядя Гена спешит нам на помощь,
Да к удаче, совсем не один.
Одному браконьеров не сломишь.
Это – шайка упертых дубин.

Дядя Гена с инспектором Вовой,
Да еще с ними пара верзил,
С браконьерами быстро, сурово
Разобрались, да кто б возразил?

Лесникам нынче очень несладко:
То огонь да пожар, то разбой!
Вырубают деревья украдкой,
Засоряют леса чепухой.

И ответьте, Спасителя ради,
Я же к вам не лечу по домам.
Чтобы ваши квартиры загадить.
Почему так относитесь к нам?

Вырубая нещадно деревья,
Разоряете гнезда – наш дом.
Исчезает порядок наш древний,
Исчезает и ваш мир притом.

Перебьете живое, остынет
Жизнь средь этой листвы и травы.
И однажды не в мире – в пустыне
Одинокой останетесь вы.

Вам бы с пьяной башкой хулиганить
Да на «Джипах» по лесу гонять!
Больше некого будет тиранить!
Больше не в кого будет стрелять!»

... Долго-долго в лесу стрекотала.
Проклиная жестокость затей.
И в итоге понятно мне стало:
Птицы, звери гуманней людей!

5

Я расстанусь с подругой Сорокой,
В чем-то с птицей согласна вполне.
Не всегда извлекаем уроки
Из истории в нашей стране.

Закрываем глаза год от года
На жестокость, войну и разврат.
Но ответит однажды природа
На духовный и прочий распад.

И взорвутся вулканы с рассветом,
Наводнение затопит жильё,
И сотрет человека планета
На все веки с лица своего!

А пока не иссякло терпенье,
Выживает планета Земля:
То космических станций паденье,
То кислотность дождя словно тля!

Очищайте и мысли, и души,
Сколько можно бездумными быть?
Мы пришли эту землю разрушить?
Мы пришли эту Землю сгубить?

Потерять нам недолго, признаться,
Голубую планету совсем.
Сколько было здесь цивилизаций?
Может, восемь, а может быть, семь...

ЗАВОДЬ МОЕЙ ТИХОЙ НОСТАЛЬГИИ

За спиной моей сорок полетов
По орбите Земли-корабля.
Моя жизнь лишь кусок эпизода
Этой общей картины «Земля».

Я по звездам устала скитаться,
Мир зеркально-похожий искать.
И, как наша планета, по пальцам
По Вселенной таких сосчитать.

Даже есть где подобие жизни,
Или люди, иль кто-то еще,
Мне дороже земные сюрпризы
И рассветы-закаты её.

Пусть Вам смерть на секунду приснится,
И тогда Вы прозреете в миг.
Что еще не успело случиться
До тех пор, пока Вы не старик.

Что Вы сделать еще не успели,
Вам покажется ясным тогда.
За спиной и дожди, и метели,
Только в будущем – дни и года!

Что же, с Вами, читатель, прощаюсь.
Пусть подольше путь будет земной.
Только с мыслью живите, сверяясь,
Что останется там, за спиной?

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ И ЗАРИСОВКИ ИЗ ЦИКЛА «БУКЕТ ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ»

Букет полевых цветов	3
Заяц ободранный.....	4
Косметика.....	6
Про рабочего быка.....	6
Турник.....	7
Дед и велосипед.....	7
Не надо.....	8
Старики и бройлеры.....	8
Пробуждение.....	10
Кошка на шифоньере.....	11
Белкины проделки.....	11
Убился.....	12
Услужила.....	13
Выстрел по окнам.....	14
Паяльная лампа.....	15
Посидели тихонько.....	15

РАССКАЗЫ

Изобразительное искусство.....	17
Композиция с роялем.....	20
Хмырь.....	21
Театр одного актера.....	24
Письмо от бабушки.....	27

СТИХИ

Утро. Январь.....	29
Белозерка.....	29
Не плачь ты, бабушка Татьяна.....	30
Атмосфера весны.....	31
Опять последняя свеча.....	32
Николаю Аксенову посвящаю.....	32
Тихий дождь.....	33
Апрель.....	33
Письмо от бабушки.....	34
Заканчиваю.....	34
Опять.....	35
Краюха хлеба.....	35
Кровь не пошлешь по электронке.....	36
Ксении Федоровой посвящаю.....	36
По лабиринтам.....	37

Мой дачный мир.....	37
Мечтается.....	38
Второе июня.....	38
Сюжет.....	39
Новое.....	39
Потеря.....	40
Запоздалое цветенье.....	40
Букет сирени.....	41
Плохой сюжет.....	41
Вспомню деревню.....	42
Понять себя.....	42
Осыпаются листья.....	43
Чимеево. Святой источник.....	43
Кочевница.....	44
Растерзана игрушка.....	45
Две свечи.....	45
Вечная свеча.....	46
Памяти моего брата Шмакова Романа Сергеевича.....	47
Вечер был.....	48
Новый город.....	48
Виват плащу.....	49
Навигатор небес.....	49
ПОЭМА «ЗА СПИНОЙ».....	51